

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Кафедра археологии, этнографии и источниковедения

**ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОЧЕВНИКИ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

*20-летию кафедры археологии, этнографии
и источниковедения АлтГУ посвящается*

Барнаул
Азбука
2008

Количество амальгмированных украшений конского снаряжения в целом невелико – около 19% от общего объема изделий, исследованных рентгенофлюоресцентным анализом. Вещи, декорированные золотой амальгамой, происходят из погребений представителей знатных слоев сросткинского общества, о чем свидетельствует не только технология, но и инвентарный набор погребальных комплексов в целом.

А.А. Ковалев, Д. Эрдэнэбаатар, Г.И. Зайцева, Н.Д. Бузова

НИИ комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Улан-Баторский государственный университет, Улан-Батор, Монголия;

Радиоуглеродная лаборатория Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

**РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ КУРГАНОВ
МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ, ИССЛЕДОВАННЫХ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ,
И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО
И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО УПОРЯДОЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ
БРОНЗОВОГО ВЕКА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ***

Для погребальных памятников бронзового века Монголии, как правило, безынвентарных либо тотально ограбленных, радиоуглеродный анализ представляется наиболее эффективным способом определения абсолютных дат. Поэтому в высшей степени удивительно, что к началу работ на территории Монголии Международной Центральноазиатской археологической экспедиции (МЦКЭ) (руководители А.А. Ковалев и Д. Эрдэнэбаатар) не было получено ни одной даты по ^{14}C для памятников эпохи бронзы, исследованных советскими и монгольскими археологами. Еще более поражает то обстоятельство, что до сих пор не переданы для радиоуглеродного анализа кости из десятков (см.: Чугунов К.В., 1993; Семенов Вл.А., 2000, с. 141–148; Савинов Д.Г., 2002, с. 13–23) безынвентарных курганов эпохи поздней бронзы, исследованных в Туве. Так что датировать аналогичные памятники, известные в Монголии, по радиоуглеродным датам из сопредельного региона не было никакой возможности.

Руководством МЦАЭ была поставлена задача радиоуглеродного датирования каждого из исследованных памятников по каждому из обнаруженных видов органики (кость, дерево, уголь). В случае обнаружения большого количества вещества отбиралось несколько проб для параллельного анализа. За семь лет работы экспедиции (2001–2007 гг.) на территориях Баян-Ульгий, Ховд, Завхан, Хубсугул, Баян-Хонгор, Увэрхангай, Умнэговь (Южногобийский) аймаков были раскопаны около семидесяти объектов, относящихся к эпохе бронзы или раннему железному веку, по материалам которых в Радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН к настоящему времени получено 54 даты (еще более 50 образцов находятся в процессе обработки). Данные радиоугле-

---

*Исследование проведено при поддержке программы Президиума РАН «Механизмы и формы культурной адаптации человека к изменениям природно-климатической системы».

родного датирования (с калибровкой) стали одним из аргументов для выделения новых культур бронзового века Монголии: чемурчекской, мунх-хайрханской, байтагской и тэвшинской (Тэвш), уточнения характера историко-культурных процессов в эпоху поздней бронзы – раннего железа (Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007а–б; Kovalev A., Erdenebaatar D., 2008). Восемь радиоуглеродных дат, полученных из дерева построек оборонительной линии «Вал Чингиз-хана» в Южной Гоби, позволили отнести это грандиозное сооружение к началу XIII в. и интерпретировать его как северный рубеж обороны государства Си Ся от агрессии монголов (Ковалев А.А., 2008).

В 2001–2004 гг. работы МЦАЭ проводились в Западной Монголии и имели основной целью создание культурно-исторической схемы Монгольского Алтая в III–I тыс. до н.э. Ранее в статье А. Ковалева и Д. Эрдэнэбаатара (2007а) дана характеристика впервые открытых экспедицией культур эпохи бронзы и иных исследованных памятников, предметом настоящей публикации является обзор результатов их радиоуглеродного датирования и значения полученных дат для реконструкции историко-культурных процессов в центрально-азиатском регионе.

Как уже было отмечено, наиболее ранним памятником эпохи бронзы, исследованным здесь экспедицией, является курган афанасьевской культуры Кургак гови-1 (Хуурай говь) в Уланхус сомоне Баян-Ульгийского аймака. Даты, полученные по образцам из этого кургана (табл. 1.-1), относят его ко второй, позднейшей группе памятников афанасьевской культуры (~ 3300/3200–2600/2400 calBC), выделяемой по комплексу данных радиоуглеродного датирования (Chernykh E.V., Kuz'minykh S.V., Orlovskaya L.B., 2004, p. 20, fig. 1–5).

Обращает на себя внимание, что даты, полученные по образцам угля из заполнения первичных (основных) ям ближайших курганов чемурчекской «культуры» («общности»? – далее условно употребляется термин «культура») Кургак гови-2, Кумди гови, Кулала ула, Кара тумсик (табл. 1.-2), также не выходят за пределы 1-й половины III тыс. до н.э. (а дерево из перекрытия могилы в кургане Кулала ула-1 вообще датируется 3660–3520 гг. до н.э.! – здесь и далее даты приводятся по интервалам калиброванного возраста с вероятностью 95,4%), что, наряду с аргументами типологического свойства (Ковалев А.А., 2005, с. 183; Kovalev A., 2000, s. 163; Kovalev A., Erdenebaatar D., 2008), говорит в пользу сосуществования афанасьевского и чемурчекского населения на Монгольском Алтае в этот период. Однако даты по костям человека из погребений в этих чемурчекских курганах попадают уже во 2-ю половину III – начало II тыс. до н.э., в то время как дата по костям человека из афанасьевского кургана (Le-7219: 3050–2459 calBC) соответствует датам по дереву и углю. Дело в том, что все даты по костям из чемурчекских курганов Баян-Ульгийского аймака получены из материала погребений, впущенных в первоначальные ямы, две из которых (на курганах Кургак гови-2 и Кумди гови) могилами вообще не являлись, а две другие (на памятниках Кулала ула-1 и Кара тумсик) не дали достаточного для сцинтилляционного метода количества костного материала. Поэтому можно предположить, что основные погребения в курганах Кулала ула и Кара тумсик относятся к 1-й половине III тыс. до н.э., однако это должно быть проверено путем AMS-датирования. Продолжительность существования чемурчекской культуры на территории нынешнего Баян-Ульгийского аймака определяется датировкой позднейшего впускного погребения 1 в кургане Кумди гови (Le-7221: 1870–1440 calBC).

Чемурчекские курганы, исследованные на юге Монгольского Алтая, в Булган сомоне Ховдского аймака (см.: даты в табл. 1.-3), как уже указывалось, представляли собой склепы с коллективными погребениями (видимо, разновременными). До нашего времени в заполнении этих гробниц дошли разрозненные кости людей и животных, чаще всего раздавленные или поломанные грабителями. Анализы поэтому проводились по совокупностям костных обломков, относящихся ко всему периоду функционирования склепа (без гарантии отсутствия костей от более поздних инокультурных погребений). Тем не менее с огромной вероятностью все полученные таким образом даты укладываются в период последней трети III – начала II тыс. до н.э. Этому же периоду соответствует и единственная дата по костям *in situ* на дне каменного ящика кургана Ягшийн ходоо-3 (Le-6932: 2410–1970 calBC) и даты, полученные по дереву (Le-7230) и по углю (Le-7228, Le-7229).

Таблица 1

Радиоуглеродные даты памятников бронзового века, исследованных в Монгольском Алтае Международной Центральноазиатской археологической экспедицией (получены в Радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН)

1. Афанасьевская культура. Курган Кургак гови (Хуурай говь)-1, Уланхус сомон, Баян-Ульги аймак

Памятник	Лабораторный индекс	Датируемый материал	¹⁴ C возраст, ВР	Интервал калиброванного возраста (68,2%), ВС	Интервал калиброванного возраста (95,4%), ВС
Кургак гови-1	Le-7219	Кость человека	4180±100	2890–2620	3050–2459
Кургак гови-1	Le-7289	Древесный уголь	4110±25	2850–2810 2740–2720 2700–2580	2870–2800 2760–2570
Кургак гови-1	Le-7290	Древесный уголь	4025±50	2620–2470	2860–2810 2750–2720 2700–2450
Кургак гови-1	Le-7291	Древесный уголь	4140±35	2870–2830 2820–2800 2760–2630	2880–2580
Кургак гови-1	Le-7292	Древесный уголь	4130±40	2870–2800 2760–2620	2880–2580
Кургак гови-1	Le-7293	Дерево	4085±30	2840–2810 2670–2570	2860–2800 2760–2720 2700–2560 2530–2490

2. Чемурчекская культура. Курганы на территории Уланхус сомона, Баян-Ульги аймак

Памятник	Лабораторный индекс	Датируемый материал	¹⁴ C возраст, ВР	Интервал калиброванного возраста (68,2%), ВС	Интервал калиброванного возраста (95,4%), ВС
Кургак гови (Хуурай говь)-2 основная яма	Le-7294	Древесный уголь	4090±50	2860–2810 2750–2720 2700–2570 2520–2500	2880–2800 2780–2490
Кургак гови (Хуурай говь)-2 основная яма	Le-7295	Древесный уголь	4100±30	2850–2810 2680–2570	2870–2800 2760–2560 2520–2500
Кургак гови (Хуурай говь)-2 основная яма	Le-7296	Древесный уголь	4100±35	2860–2810 2700–2570	2870–2800 2780–2560 2520–2490
Кургак гови (Хуурай говь)-2 впускное погребение с уровня горизонта	Le-7215	Кость человека	3825±70	2410–2370 2360–2190 2180–2140	2470–2120 2100–2030
Кумди гови (Хундий говь) основная яма	Le-7300	Древесный уголь	4050±30	2630–2550 2540–2490	2840–2810 2670–2640 2630–2470
Кумди гови (Хундий говь) основная яма	Le-7301	Древесный уголь	4110±20	2680–2810 2680–2580	2860–2810 2750–2720 2700–2570
Кумди гови (Хундий говь) впускное погребение 2 (с уровня горизонта)	Le-7212	Древесный уголь	3900±70	2470–2280 2250–2230	2580–2510 2500–2190 2170–2140
Кумди гови (Хундий говь) впускное погребение 1 (с поверхности насыпи)	Le-7221	Кость человека	3340±70	1690–1520	1870–1840 1780–1440
Кулала ула (Хул уул)-1 основная могила	Le-7297	Древесный уголь	4470±90	3340–3020	3400–2900

Кулала ула (Хул уул)-1 основная могила	Le-7298	Древесный уголь	3950±50	2570–2520 2500–2400 2390–2340	2580–2290
Кулала ула (Хул уул)-1 основная могила	Le-7299	Дерево	4820±30	3650–3630 3580–3570 3560–3530	3660–3620 3600–3520
Кулала ула (Хул уул)-1 погребение 1 (на перекрытии основной могилы)	Le-7220	Кость человека	3725±115	2290–1950	2500–1750
Кара тумсик (Хар хошуу), могильная яма	Le-7302	Древесный уголь	4025±30	2575–2545 2540–2485	2620–2470
Кара тумсик (Хар хошуу), могильная яма	Le-7303	Древесный уголь	4120±20	2860–2810 2700–2620 2610–2600	2870–2800 2760–2720 2710–2580

3. Чемурчекская культура. Курганы на территории Булган сомона, Ховд аймак

Памятник	Лабораторный индекс	Датируемый материал	¹⁴ C возраст, ВР	Интервал калиброванного возраста (68,2%), ВС	Интервал калиброванного возраста (95,4%), ВС
Ягшийн одоо-1, могила	Le-6937	Кость человека	3790±120	2460–2440 2430–2420 2410–2110 2100–2030	2600–1850
Ягшийн одоо-1, могила	Le-6938	Кость человека	3720±60	2200–2030 1990–1980	2300–1940
Ягшийн одоо-2, могила	Le-6942	Кость человека	3880±100	2480–2190	2650–2000
Ягшийн одоо-3, дно могилы, in situ	Le-6932	Кость человека	3770±60	2290–2130 2090–2040	2410–2370 2360–2020 2000–1970
Ягшийн одоо-3, могила	Le-6933	Кость человека	4000±80	2830–2820 2660–2650 2630–2400 2380–2350	2900–2200

Ягшийн одоо-3, могила	Le-6939	Кость человека	3800±70	2400–2380 2350–2130	2470–2030
Хэвийн ам-1, могила	Le-7217	Кость человека	3560±105	2040–1740	2200–1600
Хэвийн ам-1, могила	Le-7222	Кость человека	3440±120	1890–1600 1560–1530	2150–1400
Хэвийн ам-1, могила	Le-7224	Кость человека	3800±200	2550–1900	2900–1600
Хэвийн ам-1, могила	Le-7229	Древесный уголь	3770±60	2290–2130 2090–2040	2410–2370 2360–2020 2000–1970
Хэвийн ам-1, могила	Le-7230	Дерево	4100±200	2950–2300	3400–2000
Хэвийн ам-2, могила	Le-7214	Кость человека	3830±120	2470–2130 2080–2070	2650–1900
Хэвийн ам-2, могила	Le-7228	Древесный уголь	3720±30	2200–2170 2150–2120 2100–2030	2200–2020 1990–1980
Буурал харын ар, могила	Le-7225	Кость человека	4250±500	3600–2200	4100–1500

4. Мунх-хайрханская культура. Курганы на территории Мунх-Хайрхан сомона, Ховд аймак

Памятник	Лабораторный индекс	Датируемый материал	¹⁴ C возраст, ВР	Интервал калиброванного возраста (68,2%), ВС	Интервал калиброванного возраста (95,4%), ВС
Улаан говийн удзуур-1/1, могила	Le-6941	Кость человека	3310±90	1730–1720 1700–1490	1880–1840 1780–1410
Улаан говийн узуур-2/1, могила	Le-6936	Кость человека	3150±70	1510–1370 1340–1310	1610–1260
Хотуу даваа-1/1, могила	Le-6935	Кость человека	3270±60	1620–1490 1480–1430	1690–1430
Артуа, могила	Le-6934	Кость человека	3480±90	1920–1680	2040–1600 1580–1530

5. Монгун-тайгинская культура. Курганы на территории Мунх-Хайрхан сомона, Ховд аймак, (мог. Хух толгой, Тэлэнгэдийн ам), а также Уланхус сомона, Баян-Ульги аймак (Кулала ула-2)

Памятник	Лабораторный индекс	Датируемый материал	¹⁴ C возраст, ВР	Интервал калиброванного возраста (68,2%), ВС	Интервал калиброванного возраста (95,4%), ВС
Тэлэнгэдийн ам-3, могила	Le-6636	Кость человека	2790±70	1020–840	1130–800
Хух толгой-3, могила	Le-6637	Кость человека	3340±130	1860–1850 1780–1490 1480–1450	2000–1300
Хух толгой-9, могила	Le-6638	Кость человека	3050±70	1420–1250 1240–1210	1460–1080
Хаалгатын ам, могила	Le-6945	Кость человека	3140±80	1500–1310	1620–1200
Кулала ула (Хул уул)-2, могила	Le-7226	Кость человека	2910±110	1260–970 960–930	1400–800

6. Четырехугольный курган с камнями-маяками. Мунх-Хайрхан сомон, Ховд аймак

Памятник	Лабораторный индекс	Датируемый материал	¹⁴ C возраст, ВР	Интервал калиброванного возраста (68,2%), ВС	Интервал калиброванного возраста (95,4%), ВС
Хотуу даваа-2/1, могила	Le-6943	Кость человека	3090±150	1510–1120	1700–900

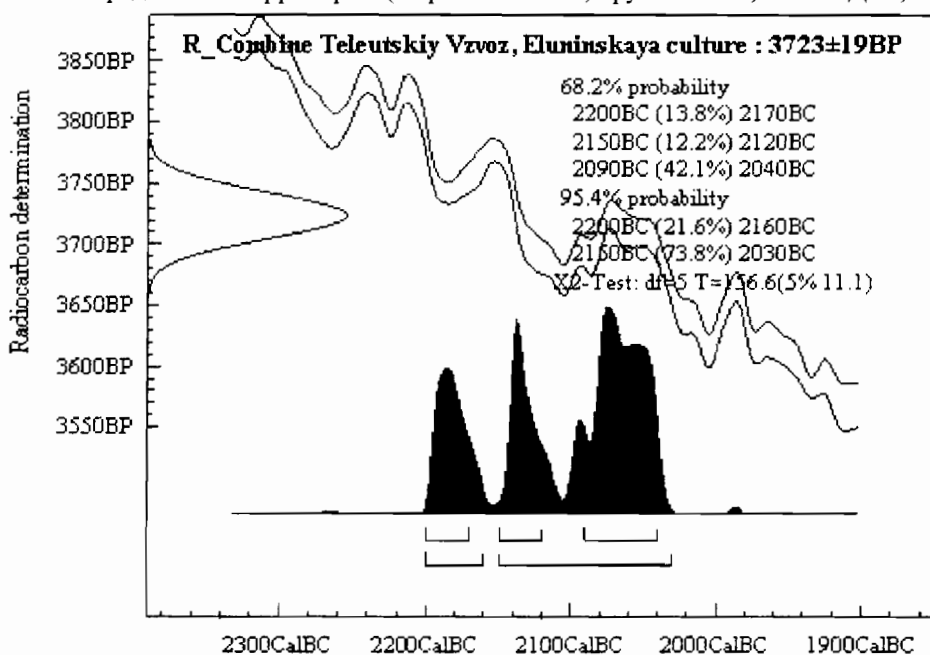
Ранние даты по углю и дереву, синхронизирующие чемурчекские курганы из Баян-Ульгийского аймака с афанасьевскими памятниками и относящие начало бытования чемурчекских традиций в Монголии к 1-й половине III тыс. до н.э., имеют огромное значение для верификации гипотезы А.А. Ковалева (2005, с. 179–181) о миграции чемурчекского населения из круга мегалитических культур Западной Европы. О сосуществовании памятников раннего этапа чемурчекской культуры и афанасьевской общности на севере Синьцзяна ранее можно было судить по обнаружению там в двух типичных чемурчекских гробницах афанасьевской керамики: курильница была еще в 1963 г. раскопана И Маньбаем в гробнице каменной ограды M24 из Чемурчека (И Маньбай, Ван Минчжэ, 1981, с. 28), еще одна курильница и яйцевидный сосуд, сплошь покрытые орнаментом, образованным прочерченными линиями, найдены в 2003 г. в каменном ящике с геометрической росписью в урочище Копазэргу близ деревни Ахэцзяэр уезда Бурчун (Чжан Ючжун, 2005). К тому же Монголия по всем признакам была чемурчекской пери-

ферией, центр же этой общности находился на нынешней китайской территории, где известны около 30 чемурчекских статуй и в десятки раз больше погребальных памятников (Kovalev A., 2000), так что исследованные МЦАЭ курганы на восточных склонах Монгольского Алтая, в большинстве датирующиеся по ^{14}C 2-й половиной III – началом II тыс. до н.э., наиболее ранними быть не могут. Таким образом, началом чемурчекской культуры в Центральной Азии необходимо признать самое позднее первые века III тыс. до н.э., что, конечно, приближает нас к периоду бытования мегалитических курганов Западной Европы с различными типами коридоров и периметральными насыпями (по калиброванным ^{14}C датам: V – вплоть до конца IV тыс. до н.э.) (Müller J., 1997, s. 66–78; 1999, abb. 8, s. 64–66), однако все же оставляет огромный разрыв между чемурчекскими памятниками и наиболее яркими их аналогами среди грандиозных мегалитов Бретани, датирующимися по ^{14}C V тыс. до н.э. (L'Helgouac'h J., 1999, s. 134–136; Müller J., 1997, s. 66–70).

Радиоуглеродные датировки впускных чемурчекских погребений в Баян-Ульгийском аймаке и чемурчекских каменных склепов Ховдского аймака в целом соответствуют определенному по ^{14}C периоду функционирования эталонных памятников елуинской культуры – Телеутский Взвоз-I (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., 2003, с. 105–107) и Березовая Лука (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А., 2005, с. 137–140). Комбинированный радиоуглеродный возраст (полученный с использованием программы OxCal v. 3.0) для шести образцов из могильника Телеутский Взвоз-I составляет 2200–2030 calBC (рис. 1), а для семи образцов с поселения Березовая Лука – 2040–1880 calBC (рис. 2). Этот комбинированный возраст рассчитывался нами только лишь по опубликованным результатам анализа однородных образцов (древесный уголь) с памятников относительно краткосрочного бытования, что представляется наиболее корректным. Необходимо отметить, что комбинированные даты позволяют по-иному рассматривать выводы Ю.Ф. Кирюшина, С.П. Грушина, А.А. Тишкина (2003, с. 113–115) об относительной хронологии елуинских памятников: Телеутский Взвоз-I по этим датам оказывается древнее Березовой Луки, а не наоборот. Возможно, это объясняется постдепозитарным загрязнением образцов в слое поселения либо иными причинами, о которых пишут авторы раскопок (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А., 2005, с. 139–140; см. также: Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В., 2007). Совпадение в целом радиоуглеродных датировок указанных чемурчекских памятников Монголии и елуинских памятников Средней Оби подтверждает выводы А.А. Ковалева (2005, с. 183–184) о тесном взаимодействии обеих культур и взаимопроникновении их традиций, полученные на основе исследования материальной культуры; в первую очередь, это касается орудий труда (трепала) и металлических изделий (височные кольца из свинца). Однако, по мнению А.А. Ковалева, относительно более ранние радиоуглеродные даты основных сооружений в чемурчекских курганах Баян-Ульгийского аймака (см. выше) и чемурчекского кургана №1 с «елуинской» керамикой на памятнике Айна-Булак-I в Курчумском районе Казахстана (СОАН-4156: 3920 ± 40 BP; 2556–2242 calBC) могут указывать на то, что сложение многокомпонентной елуинской культуры при участии чемурчекского населения происходило на территории Восточного Казахстана и Джунгарии, откуда носители елуинской культуры затем продвинулись на север. Этому не противоречат широкие (в пределах всей 1-й половины III тыс. до н.э.) даты чемурчекских памятников юга Монгольского Алтая (табл. 1.-3) и дата кургана Шидерты-10

с елуниным инвентарем из Павлодарского Прииртышья (СОАН-4860: 3835±90 BP (Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 80), что соответствует 2600–1950 calBC). Ранними контактами с «протоелуниным» населением Восточного Казахстана может быть объяснено и появление характерных для елунинской культуры способов орнаментации на афанасьевских сосудах из Горного Алтая, выявленное Н.Ф. Степановой (Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 80–81). Справедливость приведенных рассуждений может быть проверена только лишь путем масштабных археологических исследований поселенческих и погребальных комплексов юга Алтайского края, Восточного Казахстана и Северного Синьцзяна эпохи энеолита – ранней бронзы, что на сегодняшний день является одной из целей МЦАЭ. При этом планируется включение данных радиоуглеродного датирования памятников Монголии и Казахстана в формирующуюся усилиями ученых Алтайского государственного университета базу данных по радиоуглеродным датам Алтая и сопредельных территорий (Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В., 2007).

Calibrated date	
R_Combine Teleutskiy Vzvoz, Eluninskaya culture (df=5 T=156.6(5% 11.1))	
SOAN-4369	3610±35BP
SOAN-4370	3670±40BP
SOAN-4153	3690±40BP
SOAN-4154	3650±75BP
SOAN-3756	4570±75BP
SOAN-4371	3665±55BP

2500CalBC 2400CalBC 2300CalBC 2200CalBC 2100CalBC 2000CalBC 1900CalBC

Calibrated date

Рис. 1

Как уже указывалось в литературе (Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007а, с. 82), на смену чемурчекской культуре в северной части Западной и Центральной Монголии – от Алтая до Хубсугула – приходит мунх-хайрханская культура, памятники которой были обнаружены впервые А.А. Ковалевым в Мунх-Хайрхан сомоне Ховдского аймака. К сожалению, по материалу из исследованных МЦАЭ в 2003–2007 гг. 14 курганов этой культуры в Ховдском, Хубсугульском и Завханском аймаках пока имеются только четыре даты (табл. 1.-4), еще семь ожидаются в ближайшее время. Полученные даты весьма схожи и дают комбинированный радиоуглеродный возраст (по программе OxCal v. 3.0) 1690–1450 calBC (рис. 3).

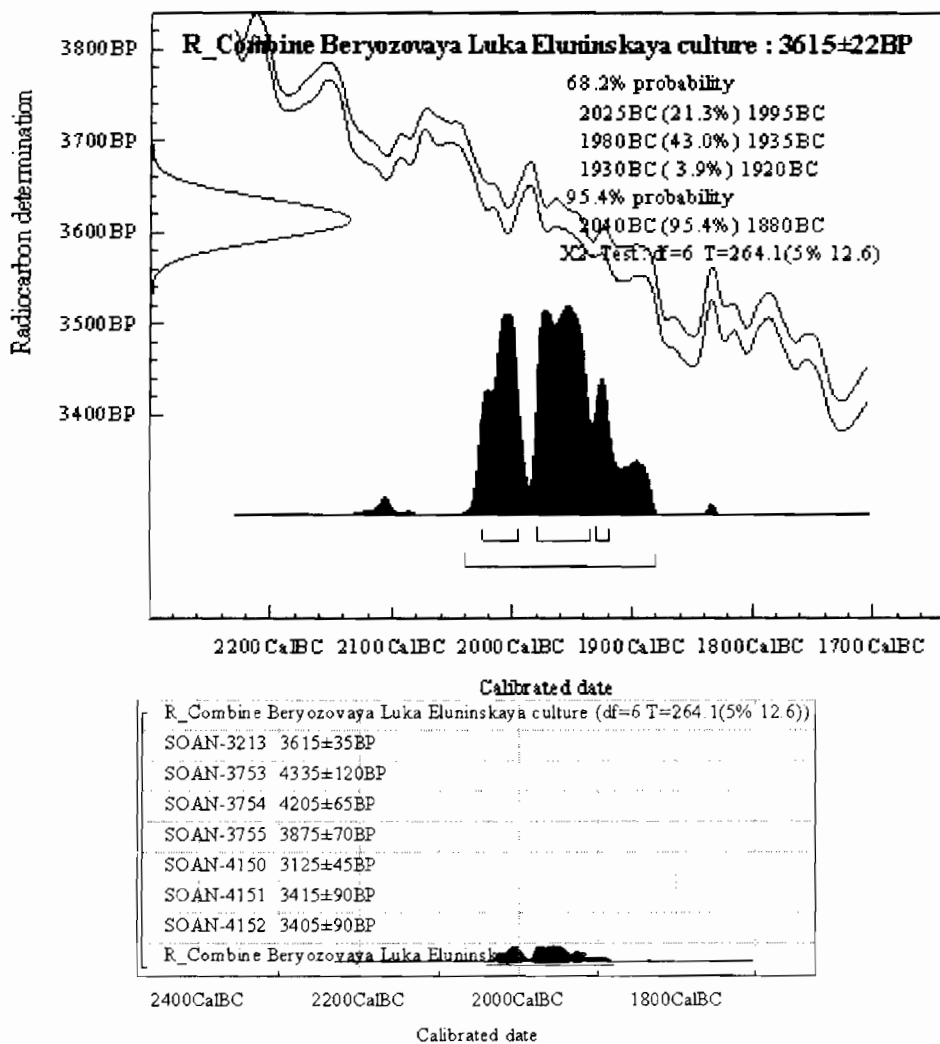

Рис. 2

По мнению А.А. Ковалева, обнаруженные в мунх-хайрханских курганах Улаан говийн удзуур-1/1 и Галбагийн удзуур-1 однолезвийные бронзовые ножи без выделенной рукояти (черешка) с треугольным сечением по всей длине предмета имеют

своим аналогом в том числе нож из седьмого слоя стоянки Тоора-Даш в Саянском каньоне Енисея (Семенов Вл.А., 1992, с. 36–37, табл. 21.-1); аналогии происходят также из памятников культуры Цицзя Чжунчжай и Линьцзя (Бай Юньсян, 2002, рис. 3.-4–5). Своим архаичным обликом обращает на себя внимание и второй нож из седьмого слоя Тоора Даш (Семенов Вл.А., 1992, с. 36–37, табл. 21.-2, фотография – Kilunovskaya M., Semenov V., 1995, fig. 12 (справа)). Если считать, что его узкий конец является черешком, то он больше напоминает афанасьевские однолезвийные ножи (Погожева А.П. и др., 2006, рис. 68.-2–3, 6), но нюансы контуров и сечения этого ножа вполне могут быть результатом его сработанности и вторичной отковки. Однако Вл.А. Семенов (1992, с. 84), отнеся седьмой слой Тоора-Даш к позднему этапу окуневской культуры, датировал его, как и аналогичные тувинские памятники, XV–XII вв. до н.э. и даже XIII–XII вв. до н.э. (Семенов Вл. А., 1997а, с. 158). При этом он опирался на прослеженное «андроновское влияние», в частности, на якобы имеющие место аналогии указанным ножам в памятниках федоровской культуры. Выводы Вл.А. Семенова стали основой для представлений о «переживании» окуневской культуры в Туве и ее синхронности с памятниками карасукской культуры (см., например: Чугунов К.В., Наглер А., Парцингер Г., 2006, с. 306). Однако изделия с такими признаками не найдены на федоровских памятниках или «хронологически сопоставимых с ними памятниках Западной Сибири». Как считает А.А. Ковалев, полученные радиоуглеродные даты по мунх-хайрханским памятникам должны, с учетом находки в Тоора-Даш бронзового ножа с треугольным сечением по всей длине, указывать на более раннюю, чем предполагалось, датировку седьмого слоя стоянки – в пределах XVII–XV вв. до н.э. Тем более, что близость керамики седьмого слоя керамике Черновой-VIII, как указывал сам Вл.А. Семенов (1997а, с. 158), «позволяет прийти к заключению о хронологической близости этих комплексов», а окуневская культура Среднего Енисея по комплексу данных радиоуглеродного датирования вряд ли может датироваться временем позже середины II тыс. до н.э. (Chernykh E.V., Kuz'minykh S.V., Orlovskaya L.B., 2004, p. 20, fig. 1–5, Епимахов А.В., 2005, с. 172–173).

Напротив, для находок из слоя 3 Тавдинского грота на Алтае мунх-хайрханские параллели могут означать необходимость омоложения. В этом слое наряду с керамикой и каменными изделиями позднего этапа среднекатунской поздненеолитической культуры было найдено медное четырехгранное шило, что побудило авторов раскопок выдвинуть предположение о начале освоения металлургии меди на Алтае в середине IV тыс. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семibrатов В.П., 2005, с. 337). Однако в том же слое были собраны 29 перламутровых «бусин», представляющих собой дисковидные (9–12 мм в диаметре) с крупным отверстием в центре нашивки на одежду, причем в двух случаях с пропилом-желобком, идущим от края к центральному отверстию (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семibrатов В.П., 2005, с. 335, рис. 1 (4), фотография: <http://www.bkatun.ru/intres/arheolog/nevek/>). Более 25 таких же нашивок, в том числе с желобками, были обнаружены МЦАЭ в 2006 г. при раскопках могилы в кургане мунх-хайрханской культуры Цагаан уушиг-3 (Бурэнтогтох сомон, Хубсугульский аймак). Учитывая гораздо более поздние даты мунх-хайрханских комплексов, можно предположить, что перламутровые нашивки оказались в третьем слое Тавдинского грота в результате переотложения либо намеренного захоронивания с поверхности слоя.

Характерные для Монгольского Алтая памятники следующего периода – безынвентарные курганы с захоронениями в ямах и цистах на горизонте – входят в типологически и хронологически еще недостаточно разграниченный массив так называемых памятников «монгун-тайгинского типа» и «херексуров», распространенных также в Туве, Центральной Монголии и Забайкалье (см. обзор: Цыбиктаров А.Д., 2004). Как уже указывалось (Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007а, с. 82–84), топография размещения различных типов курганов в могильниках Монгольского Алтая может указывать на то, что курганы с вытянутыми на боку костяками, ориентированными головой в западный сектор – как в ямах, так и в цистах на горизонте сооружались в одно и то же время, в целом более раннее, чем четырехугольные курганы с камнями-маяками по углам, содержащие погребения в низких цистах.

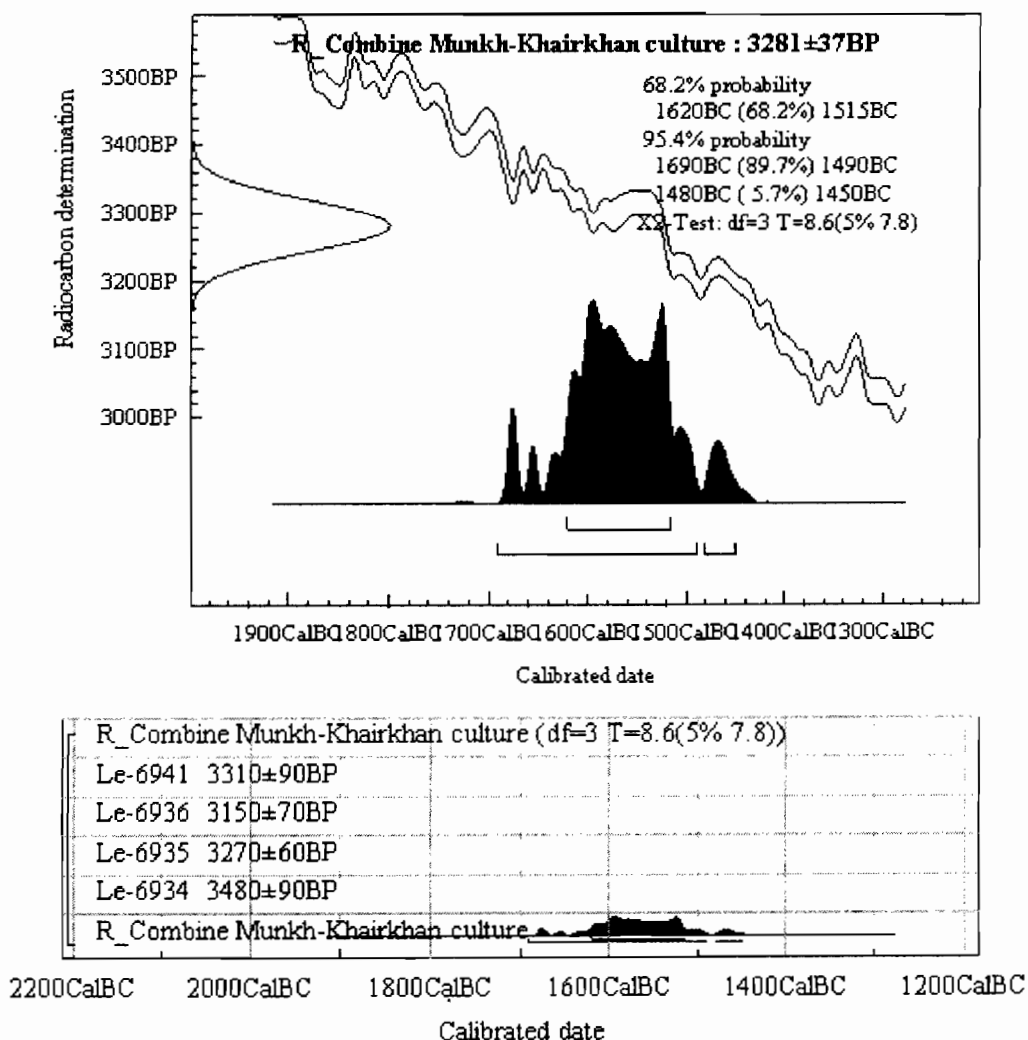

Рис. 3

На сегодняшний момент МЦАЭ получено пять дат по костям погребенных из курганов с вытянутыми на боку костяками: четыре – по погребениям в узких ямах (Тэлэнгэдийн ам-3, Хух толгой-3, 9, Кулала ула-2), одна – по погребению в цисте на горизонте (Хаалгатын ам) (табл. 1.-5). Дата по погребению в цисте на горизонте (Le-6945: 1620–1200 calBC) оказывается одной из самых ранних в этой группе, что подтверждает сомнения в справедливости гипотезы об эволюции погребального обряда монгун-тайгинского населения от погребений в ямах к погребениям на горизонте, высказанной Вл.А. Семеновым, К.В. Чугуновым и поддержанной Д.Г. Савиновым (Семенов Вл.А., Чугунов К.В., 1987, с. 74; Чугунов К.В., 1993; Савинов Д.Г., 1994, с. 58–59; 2002, с. 14–15). Вл.А. Семенов (2000, с. 142–143) впоследствии высказал мнение о «единовременности» захоронений в ямах и цистах. Полученный по этим пяти датам комбинированный радиоуглеродный возраст – 1390–1120 calBC (рис. 4) – указывает на достаточную компактность во времени бытования погребений с вытянутыми на боку костяками – XIV–XII вв. до н.э. Кстати, это еще раз опровергает доводы Вл.А. Семенова о «переживании» окуневской культуры в Туве до XII в. до н.э.: в его культурно-хронологической схеме появление монгун-тайгинских памятников из-за этого «переживания» датируется не ранее XII–XI вв. до н.э. (Семенов Вл.А., 1997б, с. 26). В то же время радиоуглеродное и типологическое датирование курганов с высокой многослойной цистой и скорченными на боку костяками, включая херексуры с лучами и «оленными» камнями, приводит к выводу об их датировке уже скифским временем – начиная самое раннее с рубежа X–IX вв. до н.э. (Семенов Вл.А., 2000, с. 145; Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007а, с. 84; 2007б).

Временной разрыв минимум в два века между этими типами памятников в Монгольском Алтае, вероятно, заполняют многочисленные курганы с четырехугольной крепидой или оградой с камнями-маяками по углам и низкой цистой на горизонте. Однако МЦАЭ был раскопан только один памятник такого типа (Хотуу даваа-2/1), который дал минимум костного материала. Дата получилась чрезвычайно размытая (Le-6943: 1700–900 calBC) (табл.-6). Этот курган представлял собой каменную платформу с крепидой трапециевидной формы, в центре его насыпь была сложена из более крупных камней, наваленных на однослойную каменную цисту из нескольких глыб. Углами насыпь была ориентирована приблизительно по сторонам света, юго-восточная сторона ее была на 1,5 м длиннее северо-западной. Такая же трапециевидная форма и ориентация крепиды широкой стороной в юго-восточный сектор была зафиксирована МЦАЭ при обследовании других курганов с камнями-маяками Монгольского Алтая.

Трапециевидные ограды (крепиды) с широкой юго-восточной или восточно-юго-восточной стороной характерны для курганов («херексуров») Центральной Монголии (Allard F., Erdenebaatar D., 2005, p. 554–556, Takahama Shu et al., 2006, pl. 2–3). Центральномонгольские курганы такого типа имеют каменные насыпи или вертикальные камни по углам и, судя по результатам пока еще немногочисленных раскопок, наземную одно-двуслойную цисту из каменных глыб (Takahama Shu et al., 2006, p. 64–65). Известные на сегодняшний день радиоуглеродные даты по костям лошади из сопровождающих такие курганы (в долине реки Хануй) ритуальных насыпей указывают на их датировку, скорее всего, XII–IX вв. до н.э.: 1040–850 BC («херексур» KYR 1), 975–680 BC (KYR 1), 1390–910 BC (KYR 57), 930–785 BC (KYR 119) (все с вероятностью 95,4%) (Allard F., Erdenebaatar D., 2005, p. 551, 553; Erdenebaatar D., 2007, p. 203). Представляется, что эту датировку можно распространить и на курганы с «маяками» Западной Монголии.

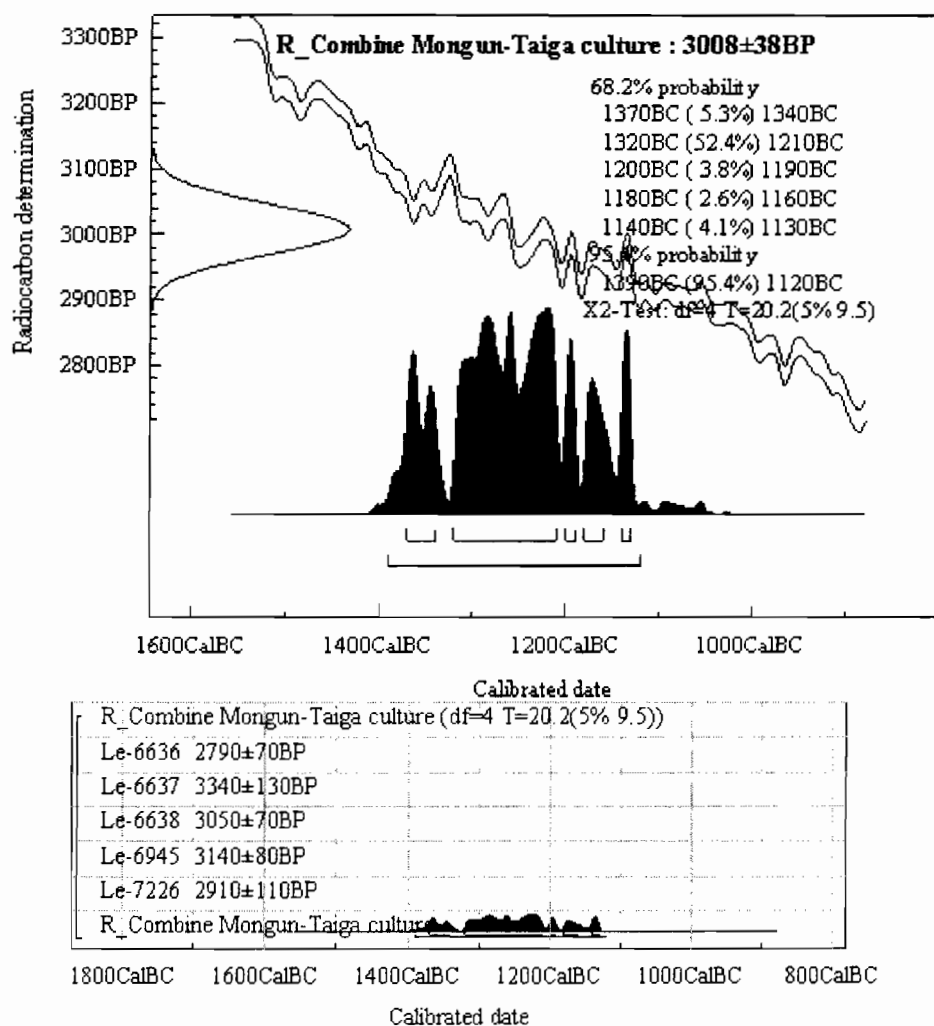

Рис. 4

В связи с изложенным А.А. Ковалев пришел к выводу об отсутствии генетической связи между курганами, содержащими вытянутые костяки на боку, и четырехугольными курганами с камнями-маяками, а этих последних, в свою очередь, с куполообразными курганами, содержащими многослойную цисту (включая херексуры с «лучами»). Распространение на Монгольском Алтае четырехугольных курганов с «маяками» связано, скорее всего, с проникновением на запад центрально-монгольских культурных традиций, а появление здесь позже купольных круглых курганов с многослойной цистой (включая херексуры с лучами) эволюцией четырехугольных курганов с маяками объяснить невозможно. Поэтому все варианты типолого-хронологической группировки безынвентарных курганов бронзового века Саяно-Алтая, предложенные за последнее время различными исследователями (Чугунов К.В., 1993; Савинов Д.Г., 1994, с. 60–61; Семенов Вл.А., 2000, с. 141–149; Савинов Д.Г., 2002, с. 14–16; Цыбиктаров А.Д., 2004), нуждаются в корректировке. Так, нет никаких оснований объединять в одну культуру все типы безынвентарных курганов

позднего бронзового века и уж тем более причислять к этой культуре все так называемые херексуры – собственно, любые курганы с оградами. Нет оснований и говорить о культурном и хронологическом единстве центральномонгольских «херексуров»-курганов с четырехугольной или круглой оградой (иногда с коридором от насыпи к восточной стенке ограды) и «херексуров», представляющих насыпь, соединенную с оградой радиальными перемычками-лучами. Нет оснований объединять в одну общность («шанчигский тип» по Д.Г. Савинову) курганы с цистой из уложенных в один-два слоя каменных глыб (Шанчиг, к. 15–16 – см.: Кызласов Л.Р., 1979, с. 36–37) и курганы с эллипсоидной в плане гробницей, составленной из нескольких слоев уплощенных камней, уложенных длинной осью, как правило, по радиусу насыпи (Чарга, к. 4 – см.: Семенов Вл.А., 2000, с. 145, рис. 5). Как полагает А.А. Ковалев, 1) корректным будет применить название «монгун-тайгинской культуры» для характеристики насыпей-платформ с крепидой, содержащих костяки погребенных, уложенных вытянуто на боку в ямах или низких цистах на горизонте, с предварительной датировкой этой культуры XIV–XII вв. до н.э. (при естественном наличии инокультурных влияний, как, например, четырехугольные ограды курганов в Эрзинском могильнике: Кызласов Л.Р., 1979, с. 46–47); 2) различные типы курганов с одно-двухслойными цистами, погребенными, уложенными скорченно на боку, вытянуто на спине, с внешней оградой или без таковой, обнаруженные в Западной Монголии, Туве и Забайкалье, необходимо рассматривать как проявления традиций центральномонгольской культурной общности финального периода бронзового века; 3) куполовидные курганы с высокой цистой типа раскопанного в Туве на могильнике Чарга или исследованного МЦАЭ в Монголии кургана в курганной группе Адууг-2 (Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007а, с. 84) вместе с ритуально-погребальными комплексами, состоящими из херексуров с перемычками-«спицами» и оленных камней, относятся к особой культуре, господствующей в Западной Монголии в скифское время (см.: Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007б).

И.П. Лазаретов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ И ПРОБЛЕМА МЕТОДА

По вопросу о времени существования различных групп памятников эпохи поздней бронзы (ЭПБ) Хакасско-Минусинской котловины среди исследователей имеются значительные расхождения. В публикациях даты карасукских и лугавских комплексов варьируют от середины II тыс. до VI в. до н.э. Существенную помощь в решении спорных вопросов могло бы оказать наличие серии радиоуглеродных образцов. Для памятников III этапа ЭПБ (лугавского) до недавнего времени было известно всего две даты из могильника Карасук-IV (Семенцов А.А., Романова Е.Н., Долуханов П.М., 1969, с. 259). Карасукские комплексы, в связи с полным отсутствием в погребениях дерева, собственных хронологических привязок не имели. Ситуация изменилась с появлением новых методов определения возраста по костным остаткам. Серия радиоуглеродных дат из захоронений II этапа ЭПБ (карасук-лугавского) была получена в результате раскопок могильников Терг-Аба и Анчил чон (Bokovenko N., Legrand S., 2000, с. 242–243; Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С. и др., 2005, с. 104–107, 237–239).

- Епимахов А.В. О возможности формирования единой системы хронологии бронзового века Северной Евразии // *Западная и Южная Сибирь в древности. Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения Юрия Федоровича Кирюшина*. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та. 2005. С. 169-173.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В. Проблемы радиоуглеродного датирования археологических памятников бронзового века Алтая // *Теория и практика археологических исследований: сборник научных трудов / отв. ред. А.А. Тишкин*. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. – Вып. 3. – С. 75-80 ??
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз I). Барнаул, 2003. 333 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Исследования Тавдинского грота в 2005 году // *Проблемы археологии, этнографии антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Том XI. Часть 1. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г. Новосибирск. 2005. С. 333-338.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т 1. Барнаул, 2005. 288 с.: ил.
- Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // *Западная и Южная Сибирь в древности. Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения Юрия Федоровича Кирюшина*. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та. 2005. С. 178-184.
- Ковалев А.А. Великая тангутская стена. К интерпретации неожиданных данных радиоуглеродного датирования // *Теория и практика археологических исследований*. Барнаул. (В печати)
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Монгольский Алтай в бронзовом и раннем железном веках (по результатам работ Международной Центральноазиатской археологической экспедиции Санкт-Петербургского государственного университета, Института истории АН Монголии и Улан-Баторского государственного университета) // *Алтае-Саянская горная страна и история ее освоения кочевниками*. С. 80-85. Барнаул. 2007
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Две традиции использования оленных камней Монголии // *Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии (Труды САИПИ 3)*. С. 99-105. Барнаул. 2007а.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. 1979. 207 с.
- Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Часть 1. Барнаул. 2006. 234 с.
- Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та. 1994. 208 с.
- Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культуругенез. СПб: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та. 2002. 202 с.
- Семенов Вл. А. Неолит и бронзовый век Тувы. – СПб: ЛНИАО, 1992. 135 с.
- Семенов Вл. А. Окуневские памятники Тувы и Минусинской котловины (сравнительная характеристика и хронология) // *Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология*. СПб. 1997. С. 152-160
- Семенов Вл. А. Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве в 1994-1995 годах). СПб. 1997а.
- Семенов Вл. А. Этапы сложения культуры ранних кочевников Тувы // *Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сборник статей к 60-летию Марка Лазаревича Подольского*. СПб. 2000. С. 134-157.

- Семенов Вл.А., Чугунов К.В. Роль субстрата в сложении культур скифского облика в Туве // Проблемы археологии степной Евразии: Тез. докл. Ч. 2. Кемерово. 1987. С. 73-76.
- Чугунов К.В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // Петербургский археологический вестник. № 8. СПб. 1994. С. 43-53
- Чугунов К.В., Наглер А., Парцингер Г. Аржан-2: материалы эпохи бронзы // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. 2006. С. 303-311.
- Цыбиктаров А.Д. Культурное и хронологическое соотношение херексуров и памятников монгун-тайгинского типа Горного Алтая, Тувы, Монголии и Южного Забайкалья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Выпуск 2. С. 35-49
- Бай Юнсян Чжунго цзао ци тун ци дэ каогу фасянь ю яньцзю (Полевые открытия и аналитические исследования в области археологии раннего периода бронзового века Китая) // 21 шицзи Чжунго каогусюэ ю шицзе каогусюэ (Археология Китая 21 века и мировая археология). Пекин. 2002. (Каогусюэ чжуанкань. Цзячжун ди 28 хао.). С. 180-203.
- И Маньбай, Ван Минчжэ. Синьцзян Кэрмуци гу муцунь фацзюэ цзяньбао (Краткое сообщение о раскопках древнего могильника в Кэрмуци, Синьцзян) // Вэньу. 1981. № 1. С. 23-32;
- Чжан Ючжун Буэрцинь сянь фасяньдэ цайхуй ши гуань му (Могилы с расписным каменным ящиком, обнаруженная в уезде Бурчун) // Синцзян вэньу. 2005. № 1. С. 124-125
- Allard F, Erdenebaatar D. Khirigsuurs, ritual and mobility in the Bronze Age of Mongolia // *Antiquity*. Vol. 79. № 305. P. 547-563.
- Chernykh E.V., Kuz'minykh S.V., Orlovskaya L.B. Ancient Metallurgy in Northeast Asia: from the Urals to the Saiano-Altai // *Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River* / Linduff K.M. (Ed.). Lewiston-Queenston-Lampeter. 2004. (Chinese Studies. Vol. 31). P. 17-36.
- Erdenebaatar D. Funeral and Sacrifice Ritual of the Horse in the Bronze Age of Mongolia // *Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования*. Иркутск. 2007. С. 201-209
- L'Helgouac'h J. The Megalithic Culture of Western France – Continuity and Change in Extraordinary Architecture // *Studien zur Megalithik – Forschungsstand und ethnoarchäologische Perspektiven* / Beinhauer K.W., Cooney G., Gucjsh Ch.E., Kus S. (Hrsg.). Mannheim-Weissbach. 1999. 508 S. (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 21). S. 133-141
- Kilunovskaya M., Semenov V. *The Land in the Heart of Asia*. St.-Petersburg. 1995
- Kovalëv A. Die ältesten Stelen am Ertix. Das Kulturphänomen Xemirxek. // *Eurasia Antiqua*. Bd. 5 (1999). 2000. S. 135-178.
- Kovalev A., Erdenebaatar D. Discovery of New Cultures of the Bronze Age in Mongolia (According to the data obtained by the International Central Asiatic Archaeological Expedition) // *Archeological Investigations in Mongolia: 1997-2007*. Bonn. (in print)
- Müller J. Die absolutchronologische Datierung der europäischen Megalithik // *Tradition und Innovation. Prähistorische Archäologie als historische Wissenschaft. Festschrift für Christian Strahm* / Fritsch B., Maute M., Matuschik I., Müller J., Wolf C. (Hrsg.). Rahden/Westf. 1997. 560 S., Abb. (Internationale Archäologie - Studia honoraria 3). S. 63-105
- Müller J. Zur Entstehung der europäischen Megalithik // *Studien zur Megalithik – Forschungsstand und ethnoarchäologische Perspektiven* / Beinhauer K.W., Cooney G., Gucjsh Ch.E., Kus S. (Hrsg.). Mannheim-Weissbach. 1999. 508 S. (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 21). S. 51-81.
- Takahama Shu, Hayashi Toshio, Kawamata Masanori, Matsubara Ryuji, Erdenebaatar D. Preliminary Report of the Archaeological Investigations in Ulaan Uushig I (Uushgiin

Övör) in Mongolia // Bulletin of Archaeology, the University of Kanazava. Vol. 28. 2006.
P. 61-102.